

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБЩНОСТИ ПРАВ

Гришечкин Владимир Владимирович

Аспирант кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета,
адвокат Коллегии адвокатов Свердловской области «Белых и партнеры» (Екатеринбург),
e-mail: vvg-ip@mail.ru

В настоящее время в Гражданском кодексе Российской Федерации нет общих правил, касающихся множественности лиц. В связи с этим автор обращается к анализу положений иностранных законодательных актов, содержащих нормы об общности прав, таких как Германское гражданское уложение, гражданские кодексы Нидерландов, Молдовы и Туркменистана. Автор приходит к выводу о том, что ни один из рассмотренных им кодексов не содержит правил, всеобъемлюще упорядочивающих отношения общности прав. Тем не менее он считает возможным использовать иностранный опыт регулирования данных отношений для создания соответствующей юридической конструкции в правовом поле Российской Федерации, поскольку зарубежное гражданское законодательство находится на более высоком уровне развития, чем отечественное.

Ключевые слова: множественность лиц в гражданских правоотношениях; общность прав; зарубежный опыт правового регулирования

THE FOREIGN EXPERIENCE IN LEGAL REGULATION OF COMMUNITY OF RIGHTS

Grishechkin Vladimir

Urals State Law University, Bar association «Belykh and Partners» (Yekaterinburg),
e-mail: vvg-ip@mail.ru

In the current RF Civil Code, there are no any common rules concerning plurality of persons. That is why the author refers to the provisions on community of rights fixed in the foreign legislation, such as the German Civil Code, civil codes of the Netherlands, Moldova and Turkmenistan. The author concludes that none of the considered codes contains rules that comprehensively govern relations of community of rights. But since the foreign civil legislation tends to be higher than domestic one, it is possible to use foreign experience to establish an appropriate legal structure in Russian civil law.

Key words: plurality of persons in civil law relations, community of rights, foreign experience in legal regulation

В настоящее время явление общности прав не привлекает должного внимания отечественных цивилистов. Это во многом объясняется тем, что российское законодательство просто не содержит соответствующих общих положений. Данная проблема поднималась и при подготовке Концепции совершенствования гражданского законодательства. Так, Р. С. Бевзенко писал: «Юридической практике известны понятия общей собственности, множественности в обязательстве, множественности в исключительных правах, множественности в корпоративных правах. Так вот, возможность создания неких общих правовых норм, регулирующих все озвученные ситуации, об-

суждалась разработчиками. Но, скорее всего, в концепции это не отразится»¹. В итоге прогноз ученого сбылся.

Сегодня существуют как минимум четыре государства, гражданские кодексы которых включают в себя нормы об общности прав: Германия, Нидерланды, Туркменистан и Молдова. Обращение к иностранному опыту поможет, на наш взгляд, выяснить, какие отношения следовало бы относить к сфере регулирования «общих положений об общности», а также решить, стоит ли переносить подобные правила в российскую правовую систему. Тем более опыт ФРГ и Нидерландов уже использовался российским законодателем при подготовке Гражданского кодекса², а Туркменистан и Молдова, как и Россия, ранее относились к странам социалистического права.

В Гражданском уложении Германии (далее – ГГУ, Уложение) нормы об общности прав содержатся в разд. 17 ч. 8 кн. 2 (§ 741–758)³. Укажем, что ч. 8 посвящена отдельным видам обязательств, а разд. 17 расположен после главы, регулирующей деятельность простого товарищества. По этому поводу У. Б. Филатова отметила: «Германское гражданское уложение, отнеся общность в обязательственное право, ясно продемонстрировало решение о квалификации общности как обязательства... Основные теории XIX столетия о долевой общности, которые оказали влияние на ГГУ, были разработаны Е. Эк и П. Штайнлехнером. Эти авторы обосновали различие между правом доли как вещным правом и правом общности как обязательственным. Современные ученые воспринимают этот факт уже как данность»⁴.

Наряду с общими положениями ГГУ предусматривает и специальные правила, посвященные множественности кредиторов и должников (§ 420–432), общей долевой собственности (§ 1008–1011), общему совместному имуществу, создаваемому в простом товариществе (§ 718), режиму общности имущества супругов (§ 1415–1518), а также множественности наследников (§ 2032–2063)⁵. Таким образом, немецкое законодательство отличается комплексной и разветвленной системой положений, охватывающих различные случаи усложнения субъектного состава правоотношения. В связи с этим возникает вопрос: каково значение общих правил, предусмотренных разд. 17 Уложения?

Согласно § 741 ГГУ «если право принадлежит нескольким лицам совместно, то применяются § 742–758 (долевая общность), поскольку из закона не следует иное» (курсив наш. – В. Г.). Необходимо подчеркнуть, что к отдельным случаям долевой общности указанные правила применяются subsidiarily. Такой вывод прямо вытекает из буквального смысла норм § 741 ГГУ. По мнению немецких юристов, поскольку общая собственность «представляет собой подвид долевой собственности, постольку на нее распространяются положения § 741–758, если иное не предусмотрено § 1008–1011»⁶. По словам А. В. Егорова, «ГГУ в разделе о вещном праве содержит довольно скудное регулирование вопросов общей долевой собственности (§ 1008–1011). Причи-

¹ Бевзенко Р. С. Гражданский переворот // ЭЖ-Юрист. 2009. № 10.

² Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. М., 2012. Кн. 1; Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.

³ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; сост. В. Бергманн. М., 2015.

⁴ Филатова У. Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом. М., 2013. С. 192.

⁵ В последних трех случаях образуется общее совместное имущество, которое имеет достаточно серьезные отличия от общей долевой собственности (подробнее см.: Егоров А. В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав сособственников // Вестн. гражданского права. 2012. № 4).

⁶ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. С. 425.

на в том, что законодатель использовал особый прием юридической техники, решив большинство вопросов, касающихся общей собственности, в разделе об обязательном праве»¹.

В результате параграфы разд. 17 оказались ориентированы на регулирование отношений общей собственности² или схожих с ней случаев принадлежности какого-нибудь блага нескольким лицам. Причем исторически указанные положения создавались именно с целью регулирования отношений собственности. Так, по словам М. В. Зимелевой, «после рецепции римского права пандектная теория, приспособляя к условиям жизни капиталистического общества римскую конструкцию общей собственности, вынуждена была дополнить ее в вопросах об управлении общей вещью. Отсюда в немецкой юридической литературе возникло учение о специальном виде обязательств – об обязательствах, возникающих из общности прав. Поскольку расходы по управлению общим помещением или какими-либо производственными единицами, составляющими общую собственность, могли быть весьма обременительными и поскольку долевая, общая собственность не давала никакой сдержки частнособственническим инстинктам и аппетитам каждого из участников, необходимо было уточнить эти вопросы. В Германском гражданском уложении в обязательном праве был создан специальный раздел „Общность прав“, охватывающий все случаи, когда какое-нибудь право принадлежит нескольким лицам по долям. В нем в восемнадцати статьях (§ 741–758) урегулированы вопросы, касающиеся прав и взаимных обязанностей участников общности, включая права, имеющие несомненно вещный характер»³.

Остановимся на вопросе о возможности применения разд. 17 ГГУ к обязательствам с множественностью лиц.

В данном разделе, в отличие от разд. 5 ч. 3 кн. 3 ГГУ, включающего нормы об общей собственности, законодатель использует термин «предмет», а не «вещь». При этом различие между ними прямо вытекает из текста Уложения. В силу § 90 ГГУ «вещами в смысле закона являются лишь телесные предметы». Исходя из этого, можно заключить, что понятие «предмет» более широкое по содержанию, а значит, может включать в себя и права. По этому поводу Ю. Е. Туктаров отмечал: «В германском праве проблема общих норм, касающихся регулирования оборота всех объектов, включая права, решена путем использования специального термина „предмет“»⁴.

Таким образом, не исключено, что положения разд. 17 ГГУ об общности прав распространяют свое действие и на общие требования. Но, на наш взгляд, эти правила совершенно не рассчитаны на регулирование обязательственных правоотношений со множественностью лиц. В первую очередь это следует из того набора правомочий, который предоставлен участникам общности. Как было указано, их содержание позволяет, скорее, квалифицировать требование в качестве нетелесного блага как объекта особого абсолютного правоотношения⁵. Например, § 745 закрепляет правомочия по управлению и пользованию общим предметом, а § 747 говорит о правилах рас-

¹ Егоров А. В. Указ. соч.

² При этом глава, посвященная общей собственности, практически не регулирует отношения между сосособственниками. Об этом свидетельствует ее объем: 4 статьи против 18 статей разд. 17 ГГУ.

³ Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть вторая // Вестн. гражданского права. 2010. № 1.

⁴ Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.

⁵ Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота М., 2005. С. 43.

поряжения им. В связи с этим стоит согласиться с Д. В. Федотовым, утверждающим, что в некоторых случаях разработчики ГГУ «использовали в отношении оборотоспособных отчуждаемых прав конструкцию фикции вещи»¹. Однако неясно, как быть с § 754, в котором сказано, что «продажа общего требования допускается только тогда, когда оно не может быть предъявлено к взысканию. Если взыскание возможно, каждый участник может потребовать совместного осуществления взыскания».

На наш взгляд, для правильного понимания смысла закона необходимо различать ситуации, когда участники общности осуществляют право притязания в качестве сокредиторов и когда распоряжаются им сообща в качестве его обладателей. Здесь уместно привести следующие слова М. Е. Сторме: «Базовые концепции вещного права применяются по аналогии к бестелесным вещам. Они также рассматриваются в качестве „товара“ (активы), который может быть передан, обременен и т. д. Хотя на „пассивной“ стороне (долга), они чисто „относительные“ права и не вещные права (исполнение может только потребовать от должника, но не от любого и каждого), однако на „активной“ стороне они имеют вещный аспект (т. е. передаваемость, публичность и прочее)»². Не влияет на справедливость этой позиции и наличие в разд. 17 ГГУ специальных норм, регламентирующих особенности исполнения обязанностей участниками общности. Ведь правила об уплате общего долга (§ 755) и об уплате долга одного из участников общности (§ 756), детализируя нормы об обременениях и расходах, связанных с общим предметом (§ 748), закрепляют лишь дополнительные имущественные гарантии для бывших участников общности. Поэтому мы полагаем, что положения разд. 17 ГГУ об общности прав не регулируют отношения, связанные с получением исполнения по требованию, принадлежащему нескольким лицам.

Итак, включение положений о долевой общности в Уложение имеет объективные исторические предпосылки. Оно было predeterminedo стремлением привести римские правила о собственности в соответствие с реалиями немецкой жизни. В результате появилась оригинальная юридическая конструкция, в рамках которой нашли отражение сразу две группы прав: вещные и обязательственные (несмотря на то что в Уложении граница между ними «проведена достаточно резко»³). В то же время сложно говорить о том, что правила разд. 17 ГГУ выступают в качестве общих и применяются к любым случаям усложнения субъектного состава в гражданском праве. Во-первых, ГГУ предусматривает большое количество исключений, а во-вторых, данный раздел неприменим к обязательствам со множественностью лиц с точки зрения правил об их исполнении.

В Гражданском кодексе Нидерландов, который «представляет собой совершенно самостоятельную кодификацию, возведенную на фундаменте римского, голландского, французского и германского права»⁴, правила об общности (общем совместном имуществе) закреплены в разд. 7 кн. 3 (ст. 3:166–3:200)⁵.

¹ Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт // Рос. юрид. журн. 2011. № 4; также см.: *Его же*. Бестелесное имущество в гражданском праве. М., 2014. С. 126.

² *Storrie M. E. Property Law in a Comparative Perspective*. L., 2004. P. 42 (цит. по: *Туктаров Ю. Е.* Оборотоспособные права (сравнительное исследование).

³ Гражданское право Германии: хрестоматия избранных произведений Франца Бернхейфта и Йозефа Колера / сост. Р. С. Куракин, Е. В. Семенова. М., 2014. С. 98.

⁴ *Новак Д. В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.

⁵ Здесь и далее статьи приводятся по: Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 6 и 7 / отв. ред. Ф. Й. М. Фельдбрюгге. Лейден, 2000.

Архитектура Кодекса заметно отличается от архитектуры ГГУ. Во-первых, положения разд. 7 ГК Нидерландов напрямую не отнесены к обязательственному праву (кн. 6, 7), а включены в общую часть имущественного права (кн. 3)¹. Во-вторых, по объему и степени детализации общие нормы в ГК Нидерландов значительно превосходят аналогичные правила, содержащиеся в ГГУ².

Выделим также общие черты данных нормативных актов. Как и ГГУ, ГК Нидерландов включает в себя специальные положения, касающиеся отдельных случаев множественности лиц. Во-первых, это нормы разд. 5 кн. 5, который посвящен общей собственности. Сразу поясним, что его положения имеют крайне ограниченную сферу применения, поскольку распространяют свое действие только на определенные виды недвижимых вещей. Во-вторых, это нормы о множественности лиц в обязательствах, сгруппированные в гл. 2, 3 разд. 1 кн. 6. Также в п. 1 ст. 3:189 прямо указано, что действие положений разд. 7 ГК Нидерландов об общности прав не охватывает «супружеское совместное имущество, общество, товарищество или судоходную фирму, пока они не расторгнуты» и «общее совместное имущество здания, которое было правом разделения на квартиры, пока не отменено право разделения на квартиры».

Таким образом, рассмотренные нами правила, сохраняя статус общих положений, регулируют далеко не любые случаи совместного обладания правами. И в отличие от ГГУ, ГК Нидерландов не только пошел по пути закрепления субсидиарного характера применения соответствующих общих положений, в частности положений об общей собственности, но и прямо исключил из области своего действия отдельные группы отношений. Тем самым нидерландский законодатель предложил свое оригинальное решение проблемы регулирования общности прав.

Прежде чем перейти к анализу соответствующих статей ГК Нидерландов, следует определить значение кн. 3 в системе его нормативных положений. При сопоставлении определений понятий «имущество» и «вещь», закрепленных в ст. 3:1³ и 3:2⁴ соответственно, становится ясно, что кн. 3 ГК Нидерландов не только охватывает отношения по поводу принадлежности вещей, но и регламентирует имущественные права. Получается, что нидерландский законодатель, определив ключевые точки соприкосновения между вещами «телесными» и «бестелесными», создал для них обобщающий режим правового регулирования⁵.

В связи со сказанным возникает вопрос: в каком статусе в данном случае выступают управомоченные участники обязательственных отношений – кредиторов или все же обладателей непоименованного абсолютного права? Мы поддерживаем вторую точку зрения. Неспроста в научной литературе отмечается, что «в ГК Нидерландов для описания некоего права на имущество разработана юридическая конструкция, не только содержательно, но и терминологически идентичная праву собственности

¹ Наличие указанной общей части в ГК Нидерландов уже достаточно необычно. Причем кн. 3 содержит и иные общие положения, в том числе относящиеся к сделкам, приобретению и потере имущества, узусфрукту.

² 34 статьи ГК Нидерландов против 18 статей ГГУ.

³ «Имущество – это все вещи и имущественные права».

⁴ «Вещи – это имущественные объекты, которые могут находиться в человеческом владении».

⁵ На наш взгляд, отдельные признаки такого подхода можно обнаружить и в российской правовой системе. Как следует из п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, ст. 8¹ ГК РФ содержит основополагающие правила государственной регистрации прав на имущество, подлежащие применению независимо от того, что является объектом регистрации (права на недвижимое имущество, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и др.) (Рос. газ. 2015. 30 июня).

в его классической интерпретации»¹. Такой подход разделяют и нидерландские юристы. Так, по мнению С. Ерпа, «объектом права собственности (очень часто называемым просто „собственность“) может быть как телесная вещь (движимая и недвижимая), так и право. В качестве примера последнего приведем договорное право, которое хотя и является личным по природе, связывая только стороны договора, тем не менее составляет часть имущества лица и по существу может быть объектом права собственности. В результате это право может быть передано кому-нибудь еще»². Вместе с тем в ст. 5:1 ГК Нидерландов прямо предусмотрено, что право собственности может быть установлено только в отношении материального объекта³. Как быть? Ответ находим у С. Ерпа: «Независимо от того, ограничиваете ли вы „право собственности“ правами, относящимися только к телесным вещам (как это сделано в новом Гражданском кодексе Нидерландов), или нет, это лишь вопрос... тесно связанный с юридической терминологией и структурой юридической системы, в которой используется этот термин»⁴.

Таким образом, мы не можем согласиться с критическими замечаниями исследователей, обвиняющих нидерландского законодателя в том, что он, «отрицая право собственности на имущество, не являющееся вещью, не попытался создать юридическую конструкцию, описывающую право на такие объекты, оказался не в силах сколько-нибудь внятно раскрыть содержание этого права как самостоятельной, отличной от права собственности юридической категории»⁵. На наш взгляд, закрепленная в ГК Нидерландов модель регулирования отношений, возникающих по поводу имущества, достаточно разумна. Взяв за основу юридическую конструкцию права собственности, законодатель подчеркнул общую юридическую природу любых отношений, затрагивающих имущество, в том числе возможность совершения активных действий самой управомоченной стороной. Те же нормы, которые относятся исключительно к вещным правам, настолько специализированные, что не могли быть объединены с общими положениями об имущественных правах. Полагаем, что именно поэтому законодатель отделил все правила, касающиеся собственности нескольких лиц на определенные виды недвижимости, от норм об общности. По нашему мнению, это не более чем прием законодательной техники⁶. Ведь в данном случае как раз особенности правового режима недвижимости, отличающие ее от иных видов имущества, предопределили их закрепление в рамках самостоятельного раздела. Вместе с тем содержание общих положений об имущественных правах не всегда позволяет говорить о возникновении какого-либо особого вида прав. Применительно к праву собственности это означает, что правила кн. 3 ГК Нидерландов только дополняют отсутствующие положения, но не создают параллельный механизм регулирования⁷.

¹ Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт.

² *Erp S. van. A Numerus Quasi-Clausus of Property Rights as a Constitutive Element of a Future European Property Law? // Electronic Journal of Comparative Law. 2003. Vol. 7.2; URL: <http://www.ejcl.org/72/abs72-2.html>.*

³ «Правом собственности является наиболее полное материальное право, которое лицо может иметь на вещь».

⁴ *Erp S. van. Op. cit.*

⁵ Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт.

⁶ М. М. Тиллема писал, что ГК Нидерландов «имеет „слоеную“ структуру» (цит. по: Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998. С. 241).

⁷ Такое распределение функций можно наблюдать во всех случаях выделения общих и специальных норм.

В противном случае пришлось бы признать, что в Нидерландах существуют два идентичных по своему содержанию абсолютных вещных права, что в некоторой степени абсурдно.

Мы не разделяем позицию Д. В. Федотова, утверждающего, что «нахождение положений об общем имуществе за пределами структурного подразделения Кодекса, посвященного вещным правам, а также отсутствие в книге 3 упоминания о праве собственности на общее совместное имущество формально дают основание предположить, что за исключением недвижимости (ведь на недвижимость прямо закреплено право *общей собственности*, правда, в другой книге Кодекса) права „участников“ (термин, используемый в ГК) на общее совместное имущество, в том числе даже на движимые вещи, не являются правом собственности!»¹

По нашему мнению, указанный вывод не вполне соотносится с содержанием ГК Нидерландов. Так, в соответствии со ст. 5:60 общая собственность возникает, если «недвижимость является совместной собственностью собственников двух или более участков земли и предназначается ими для общей пользы этих участков земли путем оформления нотариального акта и последующего внесения его в публичные реестры». Из буквального толкования текста статьи вытекает, что общая собственность возникает только при наличии совместной собственности и при выполнении ряда дополнительных условий. Ведь не зря ст. 5:61 в качестве основания прекращения общей долевой собственности называет прекращение совместной собственности. Также о совместной собственности как о самостоятельном правовом явлении среди прочих упоминают п. 2 ст. 5:14, ст. 5:15, п. 1 ст. 5:16 ГК Нидерландов. Исходя из этого можно заключить, что общая собственность является особой разновидностью совместной собственности, которая в свою очередь подпадает под действие норм об общем совместном имуществе. В таком случае необходимость выделения разд. 5 кн. 5 ГК Нидерландов об общей собственности можно обосновать только тем, что его действие распространяется исключительно на те отношения, в которых существуют особый субъектный состав² и специфический объект³.

Согласно ст. 3:166 ГК Нидерландов об общем совместном имуществе речь может идти тогда, когда один или несколько имущественных объектов совместно принадлежат двум или нескольким участникам общности. В отличие от ГГУ, ГК Нидерландов не рассматривает отношения между последними как отдельный вид обязательственных отношений. Так, в соответствии с п. 3 ст. 3:166 к правовым отношениям между участниками общности применяется ст. 6:2, которая гласит: «1. Кредитор и должник обязаны придерживаться требований разумности и справедливости во взаимных отношениях. 2. Обязательство, связывающее их в силу закона, обычаев или сделки, действительно в той мере, насколько это приемлемо в данных обстоятельствах по соображениям разумности и справедливости». Следовательно, Кодекс причисляет указанные отношения к отношениям из особого вида обязательств, возникающих в силу закона. Причем с учетом их специфики субсидиарному применению подлежат только те нормы, которые содержат наиболее общие положения, распространяющие свое действие на любые обязательства. Полагаем, что только такое за-

¹ Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве. С. 120.

² Собственники близлежащих, но все-таки различных земельных участков, зданий или сооружений, одновременно являющиеся сособственниками какого-либо объекта недвижимости.

³ Объект недвижимости, принадлежащий на праве собственности нескольким лицам и предназначенный ими для общей пользы каждого из их личных земельных участков, зданий или сооружений путем оформления нотариального акта, в последующем вносимого в публичные реестры.

конодательное решение позволило сохранить логику построения общей части имущественного права, поскольку в данном случае акцент сделан не на формальном размещении соответствующего раздела среди норм об обязательственных правах, а на закреплении правил, регулирующих отношения участников общности, в качестве общих положений.

Итак, сравнительный анализ положений двух европейских кодексов позволяет говорить о том, что ГК Нидерландов продвинулся несколько дальше ГГУ, так как содержащимся в нем правилам об общности прямо и недвусмысленно отведена роль общих положений, распространяющих свое действие на случаи обладания не только вещами, но и правами. В то же время в ГК Нидерландов, как и в ГГУ, вопросы исполнения обязательств со множественностью лиц регулируются отдельно.

Остановимся на нормах об общности прав, установленных в гражданских кодексах двух государств, ранее входящих в состав СССР, а ныне являющихся членами СНГ: Молдовы и Туркменистана.

Как утверждают цивилисты Молдовы, «в отличие от цивилистики большинства бывших союзных республик бывшего СССР, преимущественно тяготеющей к германской системе частного права, традиция гражданского права Молдовы формировалась под заметным романским влиянием»¹. Впрочем, на наш взгляд, правила, регулирующие отношения общности прав (закреплены в гл. XXIX разд. III кн. 3), сконструированы именно по образцу соответствующих норм ГГУ². Это подтверждают расположение гл. XXIX, ее объем³ и содержание⁴. Но несмотря на значительное сходство, ГГУ и ГК Молдовы имеют несколько важных отличий.

Во-первых, как отмечалось, ГГУ не содержит развернутых правил об общей долевой собственности. Именно поэтому предусмотренные разд. 17 положения об общности прав не обеспечивают должный объем регулирования внутренних отношений собственников. Напротив, ГК Молдовы, продолжая традиции гражданского законодательства Советского Союза, подробно регламентирует отношения общей собственности (гл. III разд. III кн. 2), к которой в силу наличия специальных норм применимы только отдельные правила гл. XXIX⁵.

Во-вторых, ГГУ в качестве одного из центральных правомочий, предоставленных участникам общности, выделяет «управление». Причем применительно к общности регулирование «управленческих» отношений имеет большое значение в связи с превалированием идеи экономически выгодной собственности⁶. В ГК Молдовы перечень

¹ Каленик А. В., Некит Е. Г., Осояну Н. Г. и др. Гражданское законодательство Республики Молдова и Украины: традиции, современность, перспективы: коллектив. моногр. / под ред. Е. О. Харитонова. Кишинев; Одесса, 2012. С. 45.

² В титуле IX bis кн. 3 Гражданского кодекса Франции предусмотрена несколько иная юридическая конструкция: «Лица, которым надлежит осуществлять в отношении общего имущества права собственников, собственников без права пользования или узупфруктуариев, могут заключать соглашения, касающиеся осуществления этих прав» (СПС «КонсультантПлюс»). Таким образом, ГК не содержит положений, направленных на регулирование отношений в любой общности.

³ Глава XXIX ГК Молдовы включает в себя 16 статей, а разд. 17 – 18.

⁴ В гл. XXIX ГК Молдовы почти дословно воспроизведены отдельные положения Гражданского уложения Германии.

⁵ По словам Е. О. Харитонова, содержание Основ гражданского законодательства Союза ССР от 8 декабря 1961 г. «полностью было включено в ГК УССР. Оно также было воспроизведено с незначительными дополнениями и в гражданских кодексах других союзных республик, в том числе в ГК Молдавской ССР» (цит. по: Каленик А. В., Некит Е. Г., Осояну Н. Г. и др. Указ. соч. С. 25).

⁶ Говоря об общей собственности, У. Б. Филатова подчеркивает, что «вопросы об управлении общим имуществом имеют большее значение, чем в обычной собственности, так как в отношениях собственности

правомочий, принадлежащих участникам общности, расширен и детализирован. К ним отнесены определение порядка ведения дел и пользования общим имуществом (ст. 1359), совершение сделок по сохранению имущества (ст. 350)¹, совершение сделок по сохранению имущества и управлению им (ст. 368)².

В ст. 1355 гл. XXIX ГК Молдовы указано: «Если определенное право принадлежит совместно нескольким лицам (участникам), применяются положения настоящей главы, если законом не предусмотрено иное». Исходя из этого на первый взгляд кажется, что правила об общности применимы к любой множественности лиц. Но текст закона опровергает этот вывод. Так, значительную часть гл. XXIX составляют положения, которые посвящены порядку определения долей (ст. 1356), распоряжению ими (ст. 1361), распределению плодов (ст. 1357), распоряжению общим имуществом (ст. 1358), а также определению порядка ведения дел и пользованию общим имуществом (ст. 1359). Здесь же урегулированы вопросы распределения обязанностей, связанных с общим имуществом (ст. 1362, 1367, 1368), и способы прекращения общности (ст. 1363–1365). По нашему мнению, содержание указанных статей значительно сужает действие общих правил об общности прав. Это связано с тем, что они могут применяться только к тем правам, осуществление которых возможно в результате самостоятельных поведенческих актов управомоченных лиц³. К последним следует отнести прежде всего вещные, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства идентификации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или оказываемых услуг.

Обратим внимание на то, как в ГК Молдовы толкуются понятия «вещь» и «имущество». Согласно ст. 284 (1) Кодекса «имуществом признается совокупность принадлежащих определенным физическим и юридическим лицам имущественных прав и обязанностей (поддающихся оценке в денежном выражении), рассматриваемых как сумма активных и пассивных ценностей, тесно связанных между собой». В целом приведенное определение соответствует одной из сложившихся и уже привычных для отечественного гражданского права точек зрения⁴. Иначе в ГК Молдовы трактуется вещь. Так, в силу ст. 285 (1) «вещами признаются все предметы, которые могут быть индивидуальной или коллективной принадлежностью, и *имущественные права*» (курсив наш. – В. Г.). Одновременно ст. 285 (2) закрепляет, что «предметами признаются материальные объекты, в отношении которых могут существовать граж-

теснейшим образом переплетаются интересы, в том числе и экономические, нескольких лиц» (Филатова У. Б. Указ. соч. С. 49).

¹ Согласно ст. 198 (1) ГК Молдовы сделкой по сохранению считается сделка, которая направлена на предупреждение утраты субъективного гражданского права. Раскрывая ее содержание, О. А. Халабуденко указывает, что, «в частности, сособственники вправе заявлять требования, в том числе исковые, о защите общей долевой собственности, взыскивать по ним пропорционально доле в общей долевой собственности» (Халабуденко О. А. Имущественные права. Кн. 1: Вещное право. Кишинев, 2011. С. 202–203).

² В ст. 198 (2) ГК Молдовы предусмотрено, что сделкой по управлению считается сделка, которая направлена на обычное использование вещи или имущества: «Речь, прежде всего, идет о совершении собственником юридически значимых действий, направленных на обычное использование имущества, не изменяющих сущности и назначения такого имущества (сделки по управлению). Собственник также вправе самостоятельно, юридически значимыми действиями, предупреждать утрату субъективного права собственности, защищая ее посредством мер самозащиты, а также прибегая к притязаниям в исковой или иной, предусмотренной законом, форме (сделки по сохранению)» (Халабуденко О. А. Указ. соч. С. 212).

³ Халабуденко О. А. Указ. соч. С. 12.

⁴ Там же.

данские права и обязанности». Правовой режим предметов и имущественных прав разграничивается далеко не во всех случаях¹, и это только подчеркивает значение вещи как обобщающей юридической конструкции. Вместе с тем в ст. 315 (1) говорится о том, что «собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения *вещью*» (курсив наш. – В. Г.), а не предметом.

Следовательно, ГК Молдовы прямо и недвусмысленно указывает, что имущественное право является объектом вещных отношений. Говоря об общей собственности, молдавские исследователи подчеркивают, что согласно ст. 285 ГК Молдовы «под вещь, помимо предметов, понимаются и имущественные права, то есть возможно существование сособственников не только, например, жилого дома, но и права требования»². А значит, законодатель Молдовы пошел по пути «прямого включения не вещественных объектов в сферу регулирования вещных прав в качестве общего правила с исключениями»³.

Итак, речь снова заходит о наличии именно абсолютного права на требования, причем не непоименованного, как это предусмотрено в ГК Нидерландов, а вещного. Это наличие подтверждается и при сопоставлении указанных положений с нормами, посвященными множественности лиц в обязательствах и содержащимися главным образом в гл. II разд. I кн. 3 ГК Молдовы. В ст. 512 (1) подчеркивается, что «кредитор имеет право требовать от должника производства исполнения, а должник обязан произвести его». Поэтому большинство правил, связанных с множественностью лиц, касается порядка исполнения существующего требования.

Таким образом, ГК Молдовы предлагает подробную систему норм, направленных на регулирование отношений общности прав. При этом правила об общей долевой собственности действуют не помимо положений об общности прав, а наряду с ними, что отличает молдавскую модель регулирования общности прав от немецкой и нидерландской. Но и в таком случае указанные положения не носят всеобъемлющего характера, поскольку по общему правилу не распространяют свое действие на исполнение обязательств с множественностью лиц.

Гражданский кодекс Туркменистана⁴ также имеет черты, объединяющие его с ГГУ, поскольку в его подготовке принимали участие немецкие специалисты. Но в целом ГК Туркменистана является самостоятельным кодифицированным актом. Тем самым интересующая нас система положений об общности прав, хотя и несет отпечаток немецкого опыта правового регулирования, представляет собой оригинальное правовое творческое решение.

Как и в ГГУ, в ГК Туркменистана правила об общих правах закреплены в части, посвященной обязательственному праву, а именно в ст. 993–1008 гл. 1. разд. 3 ч. 3. Помимо общих прав (гл. 1), указанный раздел также регламентирует ведение чужих дел без поручения (гл. 2) и отношения, возникающие из неосновательного обогащения (гл. 3). Следовательно, вслед за ГГУ ГК Туркменистана признает внутренние отношения участников общности разновидностью обязательственных. Причем само

¹ Такого разграничения нет, например, в ст. 287, 299 ГК Молдовы.

² Андронатий А. Практический комментарий к главе «Общая собственность» Гражданского кодекса Республики Молдовы // URL: <http://real-voice.info/art/notar34.htm>.

³ Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве. С. 126.

⁴ Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_book_det.php?book_id=2.

обязательство всегда возникает в силу закона вне зависимости от основания возникновения общности прав¹.

Помимо перечисленных положений ГК Туркменистана включает правила, посвященные общей собственности (ст. 194), общей собственности собственников жилого помещения (гл. 4 разд. 3 ч. 2), общему имуществу участников совместной деятельности (ст. 973, п. 2 ст. 978), общей собственности наследников (ст. 1218, 1237), множественности кредиторов или должников в обязательстве (гл. 9 разд. 1 ч. 3), соавторству (п. 4 ст. 1055), принадлежности исключительного права или права на средство индивидуализации нескольким лицам (п. 3 ст. 1056). Кроме того, гл. 9 Семейного кодекса Туркменистана регулирует отношения, связанные с общей совместной собственностью супругов².

Таким образом, ГК Туркменистана, как и ГГУ, содержит группу норм, регулирующих отношения общности прав и дополняющих специальные правила, посвященные отдельным случаям совместного обладания правами. Как и ГГУ, ГК Туркменистана закрепил такое правомочие обладателей общих прав, как «управление». Интересно, что в отношении индивидуальной собственности такое правомочие не выделено, что подчеркивает желание законодателя создать эффективную конструкцию, обеспечивающую длительное существование отношений общности прав.

В то же время в ГК Туркменистана, как и в ГГУ, правила об общих правах рассчитаны в первую очередь на восполнение дефицита норм об общей собственности (им посвящена одна статья). В поддержку такой позиции можно сослаться на то, что гл. 1 разд. 3 ч. 3 ГК Туркменистана говорит о долевых собственниках именно «общего предмета», а не «общего имущества». Но несмотря на это, нет оснований толковать закон ограничительно и распространять его положения только на отношения, возникающие по поводу телесных вещей.

С одной стороны, согласно п. 1 ст. 166 ГК Туркменистана «имуществом являются любой предмет и нематериальное благо, владеть, пользоваться и распоряжаться которыми могут физические и юридические лица и приобретение которых возможно без ограничений, если это не запрещено законом или не противоречит нормам морали». Как подчеркивают авторы комментария к ГК Туркменистана, «вещи – это предметы материального внешнего мира, находящиеся в твердом, жидком, газообразном или ином физическом состоянии. Главным назначением вещей является удовлетворение потребностей субъектов гражданских прав»³. Также, по их словам, «к нематериальным благам относятся требования и права, которые могут быть переданы другим лицам, то есть оборотоспособные права и требования»⁴. Таким образом, ГК Туркменистана четко различает телесные предметы (вещи) и нематериальные блага.

С другой стороны, раскрывая понятие права собственности, закон оперирует именно термином «имущество». Так, в соответствии с п. 1 ст. 191 ГК Туркменистана «собственник может в пределах ограничений, установленных законом или договором, свободно владеть и пользоваться имуществом (вещью)...». Исходя из указанного

¹ Так, согласно п. 1 ст. 194 ГК Туркменистана общая собственность возникает в силу закона или на основании сделки.

² Семейный кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8345.

³ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Туркменистана. Т. 2: Статьи 166–329. Ашхабад, 2013. С. 24 // URL: <http://www.rol-ca.org/ru/resources/publications/civil-law-and-civil-procedure-law/civil-code-of-turkmenistan>.

⁴ Там же.

обстоятельства, туркменские цивилисты пришли к выводу о том, что «согласно законодательству Туркменистана права также могут быть объектом собственности»¹. А значит, действие правил об общих правах распространяется, в том числе, на имущественные права. В то же время, на наш взгляд, эти правила не регламентируют отношения, связанные с исполнением в пользу солидарных кредиторов, поскольку они достаточно детально урегулированы нормами соответствующей части Кодекса.

Таким образом, все проанализированные законодательные акты содержат развернутую систему правил, посвященных совместному обладанию правами. Вместе с тем законодатели упомянутых нами стран отказались от всеобъемлющей регламентации подобных отношений, предусмотрев достаточно много исключений. Кроме того, ни один из кодексов не закрепил правила, одинаково распространяющие свое действие на множественность лиц как в абсолютных, так и в относительных правоотношениях. Это ставит под сомнение позицию авторов, утверждающих, что «цивилистами признается единство правовой природы множественности лиц в абсолютных и относительных правоотношениях»². Именно поэтому полагаем, что в рамках российской правовой системы целесообразно разработать конструкцию совместного обладания правами только для абсолютных правоотношений. При этом полезно обратиться к иностранному опыту, а именно к рассмотренным выше нормам зарубежного законодательства как находящегося на более высоком уровне развития, чем отечественное.

Библиография

Erp S. van. A Numerus Quasi-Clausus of Property Rights as a Constitutive Element of a Future European Property Law? // *Electronic Journal of Comparative Law*. 2003. Vol. 7.2; URL: <http://www.ejcl.org/72/abs72-2.html>.

Storme M. E. Property Law in a Comparative Perspective. L., 2004.

Андронатий А. Практический комментарий к главе «Общая собственность» Гражданского кодекса Республики Молдовы // URL: <http://real-voice.info/art/notar34.htm>.

Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота М., 2005.

Бевзенко Р. С. Гражданский переворот // *ЭЖ-Юрист*. 2009. № 10.

Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 6 и 7 / отв. ред. Ф. Й. М. Фельдбрюгге. Лейден, 2000.

Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_book_det.php?book_id=2.

Гражданский кодекс Франции // СПС «КонсультантПлюс».

Гражданское право Германии: хрестоматия избранных произведений Франца Бернхейфта и Йозефа Колера / сост. Р. С. Куракин, Е. В. Семенова. М., 2014.

Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; сост. В. Бергманн. М., 2015.

Егоров А. В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав собственников // *Вестн. гражданского права*. 2012. № 4.

Ермолаев С. Н. Множественность лиц в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть вторая // *Вестн. гражданского права*. 2010. № 1.

Каленик А. В., Некит Е. Г., Осояну Н. Г. и др. Гражданское законодательство Республики Молдова и Украины: традиции, современность, перспективы: коллектив. моногр. / под ред. Е. О. Харитоновой. Кишинев; Одесса, 2012.

Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.

¹ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Туркменистана. Т. 2.

² *Ермолаев С. Н.* Множественность лиц в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 14.

Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Туркменистана. Т. 2: Статьи 166–329. Ашхабад, 2013 // URL: <http://www.rol-ca.org/ru/resources/publications/civil-law-and-civil-procedure-law/civil-code-of-turkmenistan>.

Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.

О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. 2015. 30 июня.

Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998.

Семейный кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8345.

Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.

Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве. М., 2014.

Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт // Рос. юрид. журн. 2011. № 4.

Филатова У. Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом. М., 2013.

Халабуденко О. А. Имущественные права. Кн. 1: Вещное право. Кишинев, 2011.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. М., 2012. Кн. 1.

Bibliography

Andronatij A. Prakticheskiy kommentarij k glave «Obshhaya sobstvennost'» Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Moldovy // URL: <http://real-voice.info/art/notar34.htm>.

Bajbak V. V. Obyazatel'stvennoe trebovanie kak ob'ekt grazhdanskogo oborota M., 2005.

Bevzenko R. S. Grazhdanskij perevorot // EhZh-Yurist. 2009. № 10.

Egorov A. V. Obshhaya dolevaya sobstvennost': mexanizm zashhity prav sosobstvennikov // Vestn. grazhdanskogo prava. 2012. № 4.

Ermolaev S. N. Mnozhestvennost' lic v grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2014.

Erp S. van. A Numerus Quasi-Clausus of Property Rights as a Constitutive Element of a Future European Property Law? // Electronic Journal of Comparative Law. 2003. Vol. 7.2; URL: <http://www.ejcl.org/72/abs72-2.html>.

Fedotov D. V. Bestelesnoe imushhestvo v grazhdanskom prave. M., 2014.

Fedotov D. V. Pravovoe regulirovanie otnoshenij po povodu bestelesnogo imushhestva: zarubezhnyj opyt // Ros. jurid. zhurn. 2011. № 4.

Filatova U. B. Konceptiya razvitiya instituta obshhej sobstvennosti v Rossii i za rubezhom. M., 2013. Grazhdanskij kodeks Niderlandov. Knigi 2, 3, 6 i 7 / отв. ред. F. J. M. Fel'dbryugge. Lejden, 2000.

Grazhdanskij kodeks Turkmennistana ot 17 iyulya 1998 g. № 294-1 (s izm. i dop. ot 23 maya 2015 g.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_book_det.php?book_id=2.

Grazhdanskij kodeks Francii // SPS «Konsul'tantPlyus».

Grazhdanskoe pravo Germanii: xrestomatiya izbrannyx proizvedenij Franca Bernxeffa i Jozefa Kolera / sost. R. S. Kurakin, E. V. Semenova. M., 2014.

Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyj zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu / per. s nem.; sost. V. Bergmann. M., 2015.

Kalenik A. V., Nekit E. G., Osoyanu N. G. i dr. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Respubliki Moldova i Ukrainy: tradicii, sovremennost', perspektivy: kollektiv. monogr. / pod red. E. O. Xaritonova. Kishinev; Odessa, 2012.

Makovskij A. L. O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006). M., 2010.

Nauchno-prakticheskiy kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Turkmennistana. T. 2: Stat'i 166–329. Ashxabad, 2013 // URL: <http://www.rol-ca.org/ru/resources/publications/civil-law-and-civil-procedure-law/civil-code-of-turkmenistan>.

Novak D. V. Neosnovatel'noe obogashhenie v grazhdanskom prave. M., 2010.

О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Plenuma Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. 2015. 30 июня.

Pravovaya sistema Niderlandov / otv. red. V. V. Bojcova, L. V. Bojcova. M., 1998.

Semejnij kodeks Turkmenistana ot 17 iyulya 1998 g. № 294-1 (s izm. i dop. ot 23 maya 2015 g.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8345.

Storme M. E. Property Law in a Comparative Perspective. L., 2004.

Tuktarov Yu. E. Oborotosposobnye prava (sravnitel'noe issledovanie) // Ob"ekty grazhdanskogo oborota / otv. red. M. A. Rozhkova. M., 2007.

Xalabudenko O. A. Imushhestvennye prava. Kn. 1: Veshhnoe pravo. Kishinev, 2011.

Yakovlev V. F. Izbrannye trudy. T. 2: Grazhdanskoe pravo: istoriya i sovremennost'. M., 2012. Kn. 1.

Zimeleva M. V. Obshhaya sobstvennost' v sovetskom grazhdanskom prave. Chast' vtoraya // Vestn. grazhdanskogo prava. 2010. № 1.